

Дорогая редакция!

Нам с подругой по девятнадцать лет. Зовут нас Лиди и Света. Работаем мы в Адлерском чайсовхозе рабочими.

Нам очень нравится, как поет Людмила Зыкина, но мы мало знаем о певице, которой недавно присуждена Ленинская премия за 1970 год. Пожалуйста, расскажите о Людмиле Георгиевне Зыкиной подробнее.

Мы желаем любимой певице крепкого здоровья, много счастья, отличных успехов в творчестве.

С комсомольским приветом.

Адлерский район.

КОРОЛЕВА РУССКОЙ ПЕСНИ

ПОЕТ ЛЮДМИЛА ЗЫКИНА. Эта короткая строчка афиши всегда обещает встречу с талантливым, проникновенным и взволнованным художником, встречу — с хорошей песней.

Песня! Она пришла в ее жизнь давно — в детстве. Пришла, как приходят к детям сказки — прекрасные и добрые, веселые и грустные, которые остаются с нами на всю жизнь. Первыми слушателями Людмилы Зыкиной были раненые в госпиталях во время Великой Отечественной войны и рабочие завода, на котором она работала. Пела она русские народные песни, старинные романсы, популярные в те годы песни советских композиторов. Аккомпанировала себе на гитаре. Уже тогда девочка умела увлечь, взволновать слушателей. А вскоре после войны случилось настоящее чудо... Шестнадцатилетняя Людмила выдержала сложнейшие конкурсные испытания и была зачислена в хор имени Пятницкого. Перед ней открылся новый мир песни — сложный, удивительный и неповторимый. Она с благоговением вслушивалась в пение талантливых мастеров хора — А. Прокопиной, В. Клодниковой, М. Подлатовой, старалась разгадать секреты их мастерства. Тонкие знатоки русской песни В. Г. Захаров и П. М. Казьмин, стоявшие в ту пору во главе прославленного коллектива, раскрывали перед ней поэзию народной песни, учили петь так, чтобы песня всегда волновала, составляла о многом задумываться, радоваться, смеяться, грустить.

Людмиле Зыкиной вообще везло на учителей. Ей никогда не забыть Н. Кузнецова — руководителя хора русской народной песни Всесоюзного радио и телевидения.

Именно он был тем педагогом — режиссером, который научил Зыкину не только управлять своим голосом, но и раскрывать существо песни. Он не разрешал ей петь громко, форсировать голос, приучал к тому, чтобы каждый звук, каждая нота нанизывалась одна на другую и этим создавалось впечатление беспрерывно льющейся мелодии. Песни без сопровождения дали возможность певице отработать чистоту звучания, а запрещение петь громко определило тембровую окраску голоса. Именно тогда и начала складываться и формироваться «зыкинская» манера пения.

Мы часто говорим, что талантам у нас открыты все дороги, что человек, пришедший из самодеятельности, может достичь самых больших вершин в искусстве. Но при этом часто забываем упомянуть о главном: для того, чтобы достичь этих вершин, надо много работать и еще больше учиться. Художник — будь то актер, певец, композитор — если только он настоящий творец, обязательно и постоянно находится в поиске. Людмила Зыкина принадлежит к таким художникам.

УЖЕ БУДУЧИ СОЛИСТОЙ, получившей широкое признание слушателей, она поступает учиться в музыкальное учебное заведение для того, чтобы овладеть всеми тонкостями профессионального искусства. И не удивительно, что

имя Зыкиной мы встречаем теперь на афишах концертов в Большом зале консерватории, когда она исполняет труднейшие партии в современных произведениях ораториально-кантатного жанра. Вспомним ее великолепное соло в «Поэтории» Р. Шедрина и А. Вознесенского, в оратории Р. Шедрина

«Ленин в сердце народном».

Овладевание сложным жанром русской протяжной песни позволило Зыкиной решить нелегкую творческую задачу: она включила в свою программу «Ариозо матери» из кантаты А. Новикова «Нам нужен мир», которое до тех пор входило только в репертуар певцов академического плана. Замена в «Ариозо» вокализмов, тщательно выпеваемых академическими певцами, настоящим плачем, органически вытекающим из самого содержания произведения, не только не разрушила его стилистики, но чрезвычайно обогатила его музыкальный язык и позволила Зыкиной довести драматизм «Ариозо» до высокого трагедийного звучания. Скорбное лицо, неподвижная фигура, суровость, сдержанность чувств, компактное звучание голоса — все это создает обобщенный образ скорбящей Матери-Родины, трагический и величественный одновременно.

Чувства и переживания певицы, и умение придать каждой песне свой характер, глубоко раскрыть ее смысл, облечь его в яркую активную и выразительную форму рождают отзвук в зрительном зале: каждый ощущает себя в какой-то степени соавтором исполняемой песни, и что-то общее объединяет и роднит людей в этот вечер. Зыкина поет задумчиво и искренне, но это далеко не в полной мере определяет особенность ее творчества. Каждая песня Людмилы Зыкиной — это законченная новелла, в которой текст и музыка сливаются в одно гармоническое целое. В колыбельной, которую дочь поет своей матери («Оренбургский пуховый платок») звучат вместе эпика и лирика, нравственный канон и нежность, обращение к близкому и воспоминания о нем, как будто уже ушедшем. Нескончаемое

пиано, начатое первой нотой и исчезающее на последней, взмывшее болью потери и радостью встречи с матерью. Какое это пение? Как его назвать? Это — синтез утонченности оперных и камерных певцов с легендарной стихийностью сказительниц, симбиоз жизнерадостности и печали, монументализма, который может, кажется, осуществить лишь целый хор.

КОГДА ЛЮДМИЛА ЗЫКИНА поет одну из лучших наших песен о женщинах — песню А. Долуханяна «Рязанские мадонны», она сама представляется нам российской мадонной, талантливой русской женщиной, о которой слагли стихи Пушкин и Некрасов.

Даже когда Зыкина исполняет песни, отражающие большие общественные явления, она стремится пропустить гражданскую тему как бы сквозь строй своих мыслей и чувств, и сама в силу этого становится лирическим героем песни.

Как умеет Зыкина обнаружить в старых песнях неожиданно новые краски, новый смысл! Песня «Что во поле пыльном» — трагический рассказ о судьбе русской женщины — требует большой проникновенности, умения выстроить внутреннюю логику развития образа. А сама форма-диалог — определенного мастерства, не только песенного, но и актерского. Своеобразная трактовка этого замечательного народного произведения невольно заставляет вспомнить об искусстве драматического актера. Оригинальность и свежесть звучания этой песни, разнообразие музыкальных нюансов проистекают из того, что Зыкина не просто передает содержание песни, не только иллюстрирует слова и мелодию ее, но и открывает в ней то, что в искусстве драматического актера называется «вторым планом».

Людмила Зыкина — истинно народная артистка в самом глубоком, высоком понимании этого звания. Когда поет Зыкина, нам всегда кажется, что там, где-то внутри себя, неслышно для других поет каждый из нас. И когда в последних куплетах «Тонкой рябины» Зыкина спорит с горькой судьбой, почти «кричит»: «но нельзя рябине», — ты, кажется, тоже кричишь и преодолеваешь эту судьбу.

В воспоминаниях о Толстом И. А. Бунин приводит слова Льва Николаевича о пении: «Можно петь двояко: горлом или грудью. Горловой голос гораздо гибче грудного, но зато он не действует на душу... Я всегда останавливался себя, когда начинал писать из головы, и старался писать только из сердца...» «Из сердца!» Была ли то лишь откровенность гения или его требование к искусству? Скорее — второе. Ибо сегодня мы не представляем себе искусства иным. Такому искусству служит и Людмила Зыкина.

В. КЕВОРКОВ,
музыкальный обозреватель
«Комсомолец Кубани».